

Для Эдварда. Ты просто лучший.

— *Что же мы будем делать? — спросила Эмелина, наблюдая за зловеще темнеющими грозowymi тучами.*

— *Будем делать то, что в наших силах, — ответила Эйнсли, — выжидать.*

Пролог

Все могут поделиться историей о том, как впервые прочитали «Орманские хроники». Вот и моя.

Когда отец ушел из семьи, стоял солнечный день. Помню, все казалось странным, потому что в книгах трагические события случаются среди грома и молний, которые только ухудшают происходящее. Однако отцу было наплевать на идеальную, безоблачную жизнь и на то, что он забрал единственную машину, оставив нас горевать.

Уже тогда я представляла нас на острове. Диваны в гостиной превратились в груды неровных морских камней. Фигура отца с демонстративно скрещенными на груди руками — в осыпающийся заброшенный маяк, равнодушно противостоящий разъяренным волнам моей мамы.

Сквозь жалюзи я видела сидящую в обшарпанном зеленом фургоне причину случившегося. Женщину — нет, девушку, которая и на десять лет не была старше меня. Ее цветущее двадцатилетнее притяжение портила привычка нервно грызть ноготь на указательном пальце каждый раз, когда наши глаза встречались над приборной панелью.

Я смутно помнила ее. Девушка из группы поддержки с воскресных футбольных матчей колледжа, на которые отец таскал меня последние три месяца.

Сломанная пластина жалюзи опустилась на место с легким трепетом, когда мама умоляла отца остаться. Внутри меня все беспощадно сжалось, и из головы вылетели мысли об острове, маяке и прочем.

— Ради Амелии, — просила мама, и по ее щекам текла тушь. Я думала, что такое бывает только в кино. — Ты не можешь ее оставить, Уилли. Она же твоя дочь. Скажи ему, Амелия! — Она грубо повернула меня за плечо к папе. — Скажи. Ему.

Я не могла оторвать от них взгляда. Самостоятельно покрашенные рыжие волосы мамы торчали во все стороны. Отец пытался выглядеть негибачимым и отстраненным, но воротник на его рубашке поло был испачкан автозагаром, от которого бледная кожа стала оранжевой.

Я отвернулась обратно к окну.

— Пусть уходит, — бросила я, — мне-то какая разница?

Пролетев мимо меня, мама задела керамический горшок с суккулентом, который я посадила в начальной школе; и не знаю, случайно или специально сбросила его со стола.

Когда зеленый фургон все-таки попятился от дома, подскакивая на неровной подъездной дорожке, мама удалилась в спальню и захлопнула дверь. Я немного постояла, прислушиваясь к воде, капающей из кухонного крана в такт ее рыданиям, а потом покинула дом, перешла дорогу, миновала несколько кварталов, пока не оказалась у книжного магазина Downtown Books.

Я приходила сюда только с подарочным сертификатом, так как цена на штрихкоде книг была мне не по карману, в отличие от подержанных экземпляров с желтым ценником в другом магазине. Я тратила заработанные в качестве няни деньги на новые школьные принадлежности и иногда на горячий обед, чтобы не жевать привычный сэндвич с сыром и горчицей, но не на товары из этого книжного.

Однако в тот день я заглядывала внутрь через витрину, сколько хотела. Даже подумала, что могла бы остаться на весь вечер и наблюдать за тем, как

покупатели, словно раскачивающиеся на горизонте корабли, прохаживаются между низких стеллажей. Не нужно будет идти в дом без отца, но с матерью, не нужно будет убирать разбитый горшок и разбросанные по полу листья суккулента.

В отражении стекла я выглядела испуганной, а бледная кожа и голубые глаза стали незаметны на фоне ярко-желтой футболки с Гарри Поттером. От длинных волос, цветом что-то между светлым и темным, толку тоже не было. Я задумалась, могут ли эмоции высосать из человека живые цвета. Могут ли ненависть и потрясение придать телу бледность.

Не знаю, как долго бы я так стояла, не появившись Дженна Уильямс.

Стеклянная дверь приоткрылась, она высунула наружу голову и спросила:

— Ты Амелия, да? Не стой там. Выглядит устрашающе. Что ты вообще делаешь? Заходи, если хочешь посмотреть.

— Я не знаю, — проговорила я.

От потрясения мне показалось, что ей следует сделать реверанс. Дженна Уильямс — с пятого класса отличница, всегда одета с иголки, первая из наших ровесниц начала пользоваться подводкой и талантливая теннисистка. В девятом классе она являлась едва ли не королевской особой, хотя хо-

дила без свиты. Дженна общалась с несколькими девушками из теннисного клуба, но никому так и не удалось приблизиться к ней на расстояние вытянутой руки. От этого она считалась обаятельнее девчонок, которые привечали своих обожателей и подлиз. И пусть Дженна всегда держалась дружелюбно, она выглядела сверхновой звездой в галактике, и все это понимали, даже учителя.

Мы со времен детского сада учились в одном классе, однако я удивилась, что ей известно мое имя.

Возможно, на мои следующие слова повлияла ее репутация.

— Мой отец сегодня ушел из дома.

Она вздохнула, и я обратила внимание, как удачно красные губы оттеняют загорелую кожу.

— Ушел в смысле насовсем? — поинтересовалась она. — Фигово. Хочешь поговорить об этом?

Если бы сидящий по другую сторону улицы у роскошного ресторана каменный лев раскрыл пасть и задал тот же вопрос, я бы удивилась меньше.

— Нет, спасибо, — все же ответила я.

— Хорошо, — сказала Дженна, — книг и так много, а времени мало.

— Я не знаю, — нервничая, проговорила я. Будь она звездой в галактике, я бы была космонавтом, который потерял связь с кораблем и парит сквозь

пространство до того момента, пока не закончится запас кислорода.

— В мире нет ничего, что не могла бы излечить хорошая книга, — добавила она. — Давай, выбери парочку. Я заплачу.

А потом в ярком освещенном магазине мы осматривали каждую полочку, будто именно так и проводим все пятничные вечера. Будто она не являлась сверхновой звездой, а я — брошенной дочерью. И, несмотря на то, что я постоянно вспоминала материнский плач и представляла звук, с которым зубы черлидерши сгрызают ноготь, мне было хорошо. Или я просто смирилась.

Когда мы принесли на кассу одну мою и четыре книги Дженны, продавщица улыбнулась моему выбору. «Лес между морем и небом» — первая книга «Орманских хроник», написанная Н. Е. Эндсли.

— Очень хорошая книга, — восхитилась женщина. На ее носу покоилась пара очков для чтения, а другая — на голове. — Автор примерно вашего возраста. Лет шестнадцать. Впечатляет, да? Потом обязательно Расскажи мне, как тебе история.

Я прочитала томик зараз, сидя под ярким светом кремовой лампы на прикроватном столике Дженны. Она не просто пригласила меня переноче-

вать, а строго приказала. Когда мы вышли из книжного, Уильямсы на своей красивой машине отвезли меня в их прекрасный дом; и казалось, я всегда там жила и буду жить.

— Дженна никогда раньше не приглашала друзей в гости, — радостно пророкотал ее папа.

От магазина до дома ехать было недолго, и все время миссис Уильямс не отрывала от меня улыбающийся взгляд в зеркале заднего вида.

Я попросила у Дженны мобильный, чтобы сообщить, где нахожусь, но мама никак не отреагировала на мои слова. Я сказала ей адрес Уильямсов и номер телефона Дженны и попросила перезвонить. Этого она так и не сделала.

Когда меня высадили у дома на следующее утро, я боялась, что мама будет в ярости, но она даже не вышла из комнаты. Если бы не едкий запах разогретой в микроволновке пасты быстрого приготовления, я бы и не поняла, что она дома.

Но история уже завладела моим сердцем, и зажатая под мышкой книга буквально умоляла, чтобы ее перечитали; чтобы я забыла о текущем кране, пустующей подъездной дорожке, футбольных матчах и перенеслась в мир, наполненный более сложными и фантастичными проблемами, чем мои.

«Уходи, уходи», — словно шептала книга.

И я с удовольствием перенеслась в сказку.